Глава 24

Эти слова, обрушившиеся на него свинцовой тяжестью, произвели на Гуань И эффект разорвавшейся бомбы. На мгновение пространство вокруг словно застыло, но он вовремя взял себя в руки, хотя его улыбка и стала выглядеть болезненно натянутой.

— Вот как? Что ж, очень жаль. Тогда встретимся в другой раз, когда ты будешь посвободнее.

Гуань И посмотрел на Лин Чжи, отчаянно пытаясь сохранить лицо.

— Хорошо, до встречи, — отозвался Лин Чжи.

Оба понимали: это не более чем вежливая формула, за которой ничего не стоит. Заметив, что юноша даже не подумал отрицать слова мужа, Гуань И почувствовал, как последний огонек надежды в его глазах окончательно угас.

Потерпеть поражение, даже не успев вступить в бой… Он низко склонился над Но-Но, перебирая пальцами густую шерсть на загривке собаки, чтобы скрыть свое разочарование.

Какая нелепость. Вчера он считал этого мужчину лишь «потенциальным конкурентом», не подозревая, что истинный соперник всё это время был прямо перед ним. Причем соперник, взиравший на него с высоты абсолютного победителя.

— Но-Но, мне пора.

Быстро справившись с чувствами, Гуань И попрощался с собакой, а затем и с Лин Чжи.

— Распорядиться, чтобы водитель отвез тебя? — спросил Мин Яо.

В его тоне сквозила холодная снисходительность хозяина этих земель.

— Не нужно, я на своей машине. Спасибо.

«Какая наглость», — стиснул зубы Гуань И.

Перед лицом Мин Яо он больше не пытался изображать дружелюбие и направился к выходу.

Тот равнодушно отвел взгляд. Словно и не он только что раздавил чужие надежды, мужчина совершенно естественно повернулся к супругу:

— Ты уже ужинал?

Лин Чжи наблюдал за этой сценой, буквально пропитанной едким запахом ревности. Лицо Мин Яо оставалось бесстрастным, но юноша кожей чувствовал его внутреннее торжество, едва ли не слыша победное фырканье. Он едва сдержал улыбку.

— Я только что от дедушки, поел у него. Мы действительно пойдем выбирать кольца послезавтра? Мы ведь, кажется…

Лин Чжи намеренно затронул тему, поднятую мужем, изобразив легкое замешательство и недосказанность.

— Можем взглянуть на эскизы, — ответил Мин Яо. — Посмотрим, понравится ли тебе что-нибудь из новых моделей.

На самом деле это была лишь спонтанная отговорка, но, поразмыслив, он нашел в ней массу плюсов. Это был отличный повод для совместной прогулки и, что важнее, возможность окончательно отогнать назойливого воздыхателя. Одним выстрелом — двух зайцев.

Мин Яо ждал, что Лин Чжи спросит, зачем он раскрыл их статус, и тогда он смог бы официально заявить о своих правах. Плевать на прошлые договоренности — теперь он не видел смысла скрывать их брак. Напротив, ему хотелось, чтобы все узнали об их союзе, и это заставило бы лишних людей держаться от супруга подальше.

Но юноша не спрашивал. Мин Яо ощутил легкий укол разочарования, который, впрочем, быстро сменился радостью.

«Разве молчание не является знаком согласия?»

Пусть Лин Чжи еще не принадлежал ему без остатка, нельзя было отрицать: Мин Яо — самый близкий человек для него.

***

На кухне уже был накрыт ужин. Лин Чжи не ушел к себе, а остался рядом с мужем, наблюдая, как тот ест. Он расспрашивал о реабилитации: как прошли занятия, не болят ли ноги.

В просторной, залитой мягким светом столовой, над тарелками поднимался ароматный пар. Заботливый супруг рядом — эта картина была настолько прекрасной, что Мин Яо даже изменил своей привычке есть в полном молчании. Проглатывая кусочки, он подробно отвечал на каждый вопрос.

Разумеется, дискомфорт был. Ноги, долгое время остававшиеся неподвижными, страдали от мышечной атрофии. Группа лучших специалистов разработала для него детальный план: сначала массаж и иглоукалывание, чтобы привести мышцы в тонус, затем — базовые упражнения на растяжку с отягощением.

Странное чувство чужеродности собственного тела, боль во время тренировок, тяжесть после занятий — всё это мужчина считал вполне терпимым и в разговоре упоминал лишь вскользь.

Обычно после ужина они не задерживались в гостиной, а расходились по своим комнатам. Мин Яо бросил на Лин Чжи выжидающий взгляд, надеясь, что тот последует за ним на пятый этаж, но юноша лишь нажал кнопку четвертого и с улыбкой помахал рукой на прощание.

Мин Яо не нашел повода попросить его остаться.

«В конце концов, у каждого взрослого человека должно быть свое пространство, — убеждал он себя. — К тому же из-за реабилитации накопилось немало дел по работе».

Но, несмотря на эти здравые мысли, между бровей мужчины залегла хмурая складка.

Обычно он работал в кабинете, но некоторые документы предпочитал изучать в спальне.

Перед тем как войти к себе, Мин Яо невольно вспомнил прошлую ночь. Лин Чжи спал в его постели, и одеяла, должно быть, пропитались его сладким ароматом. Однако, переступив порог, он увидел идеально заправленную кровать с абсолютно свежим бельем.

«…»

Видимо, горничная прибралась. У него была привычка менять постель ежедневно.

От подушек веяло лишь стерильной свежестью стирального порошка. Сжимая в руках папку с документами, Мин Яо с мрачным видом направился в кабинет.

***

На четвертом этаже Лин Чжи закончил с рабочими письмами и теперь вертел в руках невзрачный брелок — плюшевого серого кота.

Мех игрушки когда-либо был белым, но со временем пожелтел и потемнел. На самом деле брелок был чистым — юноша недавно выстирал и высушил его феном, но следы времени уже нельзя было стереть.

До ужина Старейшина Мин свозил его в их старый дом — виллу в нескольких кварталах отсюда. Там уже давно никто не жил, и всё внутри было покрыто толстым слоем пыли; на белых чехлах, укрывавших мебель, оставались четкие следы их шагов.

Там вырос Мин Яо. Старейшина с глубокой тоской вспоминал былое, описывая юноше, каким это место было раньше.

Теперь прошлое мужа стало для Лин Чжи чуть яснее. Перед уходом он заметил этот брелок, валявшийся в углу спальни. На нем не было ключей, он просто одиноко лежал на полу.

Старейшина удивился: в его памяти внук никогда не пользовался такими милыми вещицами. Но это было слишком давно, а старость стирает многие детали.

Раз вещь нашлась в комнате Мин Яо, значит, она имела к нему отношение. Лин Чжи забрал её с собой. Вещи умеют хранить воспоминания — именно поэтому он вызволил брелок из плена забвения.

Юноша задумчиво сжал пушистую лапку кота.

«Хост, кажется, наша миссия сделала еще один шаг вперед! Объект признался другим, что вы женаты, и даже хочет кольца... До публичного объявления уже совсем близко, да?» — голос Системы звучал взволнованно.

Система явно была бы не прочь обрести физическую форму — сидеть в чужой голове было порой очень одиноко.

«Я не давал согласия на огласку», — мысленно ответил Лин Чжи, лениво перебирая хвост плюшевого кота.

«Хотя и не отказывался».

«Э-это... как это понимать?» — «01» явно замялся.

Иногда Система чувствовала себя совсем глупой рядом с Хостом. Заметив её растерянность, Лин Чжи снисходительно пояснил:

«Человеческие чувства сложны. Для искусственного интеллекта вполне естественно этого не понимать. Люди — не программы, у нас слова часто расходятся с делом».

«Я буду усердно копить опыт! Если я понадоблюсь, Хост, только скажи!» — «01» тут же приободрился.

Пусть Система и не до конца понимала план, она знала одно: Хосту можно доверять. Послушав этот наивный голосок, Лин Чжи спрятал брелок в ящик стола.

Он никогда не играл в «любовные игры», но, по сути, это мало чем отличалось от бизнеса. Всё, что он делал до сих пор, было ожиданием реакции Мин Яо. Разумеется, он не станет отталкивать его сейчас, когда тот начал проявлять инициативу, но и не позволит заполучить желаемое слишком легко. Без четкого «да» или «нет» всегда остается пространство для маневра.

***

27 число

В этот день пошел дождь, и поездку за кольцами пришлось отменить. На самом деле непогода не мешала прогулкам по ювелирным лавкам, но Лин Чжи обмолвился, что ему приглянулась работа одного конкретного дизайнера, и смотреть что-то другое теперь нет смысла.

Вечером Мин Яо то и дело поглядывал на дверь, но там царила тишина. Стук, которого он ждал, так и не раздался. Растирая ноющие колени, мужчина поджал губы.

По привычке он открыл на планшете окна камер домашнего наблюдения. Он ожидал увидеть Лин Чжи в его спальне, но обнаружил его в маленьком холле на третьем этаже.

За панорамным окном шелестел дождь, воздух казался влажным и тяжелым. Под потолком горели «звездные» гирлянды, заливая всё теплым светом, а юноша, включив небольшую настольную лампу, устроился в плетеном кресле с книгой. Судя по едва заметной улыбке, он дошел до какого-то забавного места.

При каждом повороте страницы его тонкие пальцы плавно мелькали в свете лампы. Белоснежный самоед прикорнул у ног хозяина. Но-Но уже перерос средние показатели своих сверстников — из крошечного комочка он стремительно превращался в крупного пса.

Осенние ночи холодны, но от пушистой собаки веяло жаром. Лин Чжи лениво зарылся босыми ступнями в густую шерсть, и пес, едва шевельнув головой, послушно остался лежать.

Мин Яо завороженно смотрел на экран, поймав себя на мысли: «Жаль, что сегодня не ясно». Будь погода хорошей, он мог бы убедить себя, что супруг не идет к нему просто потому, что занят прогулкой.

Развернув изображение на весь экран, он продолжал работать под этот безмолвный «эфир». Когда Лин Чжи наконец закрыл книгу и ушел к себе, камера опустела.

Мужчина отложил документы и открыл файл с досье на Ху Туна, который прислал ему

помощник. Он хотел знать, что нравится Лин Чжи — хотя бы для того, чтобы было о чем поговорить. Ху Тун был его близким другом, наверняка у них были общие интересы.

«Искусство?»

Мин Яо редко пасовал перед трудностями, но сейчас почувствовал себя в тупике. Его всегда привлекали точные науки и техника. Если бы Лин Чжи увлекался робототехникой, он бы точно знал, как завоевать его сердце. Он даже подумывал попросить совета у деда — как научиться ценить прекрасное, — но Старейшина Мин предпочитал традиционную китайскую живопись и в западном искусстве разбирался слабо.

В последующие дни Старший специальный помощник Гао не раз замечал, как босс хмурится над чем-то в своем планшете. Вид у него был такой серьезный и сосредоточенный, словно корпорация столкнулась с беспрецедентным кризисом. Гао гадал, что же заставило начальника так нервничать.

Зайдя в кабинет с очередным отчетом, он краем глаза увидел название книги, которую изучал босс, и впал в ступор.

«Бесконечный список»?

Как высококлассный специалист, Старший специальный помощник Гао не мог позволить себе подобных пробелов в знаниях. Но, поискав информацию, он растерялся еще больше. Зачем шефу вдруг сдалась история искусства? Неужели корпорация решила сменить вектор развития?

***

В середине октября Лин Чжи получил приглашение на выставку. И прислал его не Ху Тун, а Мин Яо.

Юноша удивленно выгнул бровь:

— Господин Мин, вы тоже этим интересуетесь?

Мин Яо невозмутимо кивнул. После нескольких дней, проведенных за книгами, он считал, что вполне способен поддержать беседу.

Лин Чжи не стал отказываться. Выставка была камерной, с очень высоким порогом входа, и раздобыть билеты было непросто. То, что Мин Яо достал их, говорило о многом. В экспозиции были представлены полотна из частных коллекций, увидеть которые было большой удачей.

Наблюдая за тем, с каким искренним интересом Лин Чжи рассматривает картины, Мин Яо и сам нашел это мероприятие весьма осмысленным.

Полтора часа пролетели незаметно. Когда они покидали галерею, Лин Чжи пребывал в отличном расположении духа. Он не стал говорить об этом вслух, но еще в залах заметил: муж на самом деле не слишком увлечен живописью. И всё же, даже не чувствуя эстетического восторга, мужчина старательно изучал каждое полотно и даже вставлял пару дельных замечаний.

Юноша понимал: муж пытается ему угодить. Немного неуклюже, но очень искренне.

— Господин Мин, а вы сами умеете рисовать?

Тот покачал головой. Единственное, что он когда-либо рисовал — это графики и схемы.

— Тогда позвольте мне нарисовать ваш портрет.

По просьбе Лин Чжи водитель заехал в специализированный магазин за художественными принадлежностями.

В кабинете Мин Яо был широкий подоконник. Снаружи лился густой лунный свет, наполняя комнату безмолвием. Он сидел в кресле, чувствуя некоторую скованность, пока чуть поодаль Лин Чжи набрасывал его силуэт на холсте.

Работа над портретом — дело небыстрое, но Мин Яо проявлял удивительное терпение. Ему нравилось ощущать на себе взгляд супруга.

— Не хотите попробовать, господин Мин?

Лин Чжи помахал чистой кистью, глядя на мужа.

— Боюсь, у меня не получится.

— Ничего страшного. Новички всегда начинают с копирования. Я не против на время стать тем самым произведением искусства, которое вы будете переносить на холст.

Юноша расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке. Чистая кисть скользнула по его ключице, словно впитав нежный лунный свет. В этом жесте было нечто бесконечно интимное и томительное.

http://bllate.org/book/15821/1428923